

Воскресенский Г. А. [Рец. на:] *Глубоковский Н.* Греческий рукописный Евангелистариий из собрания И. Е. Троицкого (ныне б-ки СПбДА № Б1/7). СПб., 1898 // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 2. С. 301–309 (3-я пагин.).

Греческій рукописный Евангелистариій изъ собранія проф. И. Е. Троицкаго (нынѣ б-ки Спб. Дух. Академіи № Б1/7). Изслѣдованіе Николая Глубоковскаго. С.-Петербургу, 1898. 252 стран.

„О каждой рукописи Новаго Завѣта—говорить С. R. Gregory, извѣстный изслѣдователь греческихъ новозавѣтныхъ кодексовъ—мы должны знать, откуда она происходитъ, изъ какого времени говоритъ намъ и при какомъ взаимодействіи писцовъ и ученыхъ возникла; всякую, —хотя бы отъ XIX-го в.,—необходимо съ точностію разсмотрѣть со стороны пергамна или бумаги, расположенія тетрадей, нанесенія линій (для строкъ), качествъ и краски чернилъ, начертанія буквъ, орнаментовъ и за тѣмъ характера текста. Личную исторію каждой нужно слѣдить до возможныхъ предѣловъ. Имя писца, его монастырь, родина, должность (званіе), учителя, мѣсто написанія, закацикъ, церковь или монастырь, владѣвшіе данною рукописью, посредникъ, сдѣлавшій се доступною для науки:—все это и подобное нужно разыскивать и отмѣчать съ заботливостію. Желательно было бы достигнуть такого положенія, чтобы можно было прямо отвѣчать: этотъ пергаминъ изъ Арменіи, Калабріи или Египта;—эта краска изъ Арменіи;—эти орнаменты сирскіе, сицилійскіе либо македонскіе;—эти чернила константинопольскія и т. д. Для текста Новаго Завѣта особенно требуется, чтобы составлялись точные списки чтеній, дабы облегчить работу сравненія и—еще больше—сводку сдѣланныхъ сравненій“¹⁾. Слова эти приведены въ заключительномъ подстрочномъ примѣчаніи къ выше-названному изслѣдованію проф. П. П. Глубоковскаго²⁾.

1) C. R. Gregory, Die Kleinschifhandschriften des Neuen Testaments - вь Theologische Studien, Göttingen, 1897, S. 277—281.

2) Стр. 252.

Хотя почтенный изслѣдователь и стоваривается, что онъ „сообщаетъ эти указанія не для конзиренія ими его труда, а въ качествѣ идеала и образца для всѣхъ, работающих въ области матеріально-текстуальной критики Нового За-вѣта“¹⁾, однако по всей справедливости должно признать, что именно его настоящее изслѣдованіе счастливо приближается къ начертанному у Грегору идеалу для подобныхъ работъ. Это—детальнѣйшее и полное огромной эрудиціи изслѣдованіе библейскаго греческаго документа. О богатствѣ содержанія этого труда—помимо его обширности—свидѣтельствуешь уже простой перечень вошедшихъ въ него матеріял—на двухъ страницахъ мелкаго шрифта.

Что же это за рукопись, обратившая на себя такое вниманіе изслѣдователя? Это греческій рукописный Евангелистарій²⁾, т. е. Евангеліе не въ обычномъ порядкѣ евангелистовъ, а расположенное по церковнымъ чтеніямъ на цѣлый годъ, начиная съ пасхи, или то, что ученые описатели славянскыхъ рукописей Московской Синод. библіотеки прот. А. В. Горскій и К. Н. Новосруевъ и за ними другіе изслѣдователи обыкновенно называютъ „Евангеліе-авракосъ“ (греч. *ἀπρακτος*, недѣльное)³⁾. А такъ какъ послѣ пятидесятницы чтенія здѣсь слѣдуютъ только на субботы и воскресенья съ опущеніемъ дней будничныхъ, то эта рукопись есть неполный Евангелистарій (въ составленіе чему есть немало славянскихъ и полныхъ Евангелій - авракосовъ). Писана рукопись на довольно толстомъ пергамнѣ курсивнымъ письмомъ; дошла же насъ далеко не въ полномъ⁴⁾ и кромѣ того очень изувѣченномъ видѣ. Мѣсто и время написанія въ самой рукописи не означены, но что касается древности, она не простирается выше XI—X в. По внѣш-

1) Тамъ же.

2) Полученъ проф. П. Е. Троицкимъ—во время поѣздки его на Востоку—въ Константинополь отъ Г. П. Вальери (*Βυζαντινιστής*) въ 1886 г.

3) Проф. П. П. Глубоковскій рывительно сѣверять въ терминъ „авракосъ“, какъ сомнительный и по своему значенію, такъ и по формѣ (отъ 29—30, подстр. прилжъ).

4) Въ болѣе чѣмъ 284 лхъ рукописи нѣтъ объема сохранилось только 160 лхъ въ частности съ евангелискаго текста вмѣстѣ и по вычисленіямъ автора разсмотрѣнной книги, то 194 стр. т. е. болѣе трети всей суммы, каковыя разидеся 376 стр. подр. 174.

ности рукопись не только не роскошная, а и прямо бѣдная... Такихъ сравнительно не очень древнихъ греческихъ рукописей Евангелія—довольно много въ библіотекахъ русскихъ и заграничныхъ. Итакъ, не слѣдуетъ ли пожалѣть, что проф. Н. Н. Глубоковскій обратилъ свое ученое вниманіе на эту сравнительно не древнюю рукопись, а не на какую либо болѣе древнюю и поэтому, быть можетъ, болѣе важную? Отнюдь нѣтъ. Во 1-хъ, какъ справедливо замѣтилъ Gregoгу, каждая рукопись Новаго Завѣта заслуживаетъ самого обстоятельнаго обслѣдованія. Во 2-хъ, данная рукопись, какъ оказалось, и нарочито заслуживала научнаго вниманія по всѣмъ частямъ своего содержанія. Въ 3-хъ, разсмотрѣнная въ означенной книгѣ рукопись Евангелія дала автору, какъ увидимъ ниже, поводъ поставить на очередь и разъяснить высокой важности принципиальный вопросъ о значеніи минускульныхъ рукописей Новаго Завѣта для текстуальной критики вообще и для изслѣдованія славянскаго перевода Библии въ частности.

Изслѣдованіе проф. Н. Н. Глубоковскаго распадается на четыре главы. Глава первая — „Палеографическое обозрѣніе рукописи“. Насколько это обозрѣніе полно и всесторонне обнимаетъ свой предметъ, показываетъ простой перечень содержанія этой главы. Внѣшняя судьба и ея неблагопріятное вліяніе въ смыслѣ разрозненія, утраты и порчи листовъ рукописи; объемъ рукописи первоначальной и теперь, истинное расположеніе листовъ и ихъ размѣры; колонны, строки, чернила, скобленіе, украшенія, заставки, большія буквы; ошибки и описки; характеръ письма и сокращенія; орѳографія—во всѣхъ подробностяхъ, знаки препинанія, ударенія, знаки вокально-лекціонные,— вотъ тѣ частнѣйшіе вопросы, рѣшеніе которыхъ предлагается въ этой главѣ. Въ итогѣ палеографической характеристики оказалось, что „данныя палеографіи достаточно характеризуютъ разсматриваемый Евангелистарій съ внѣшней стороны, но не представляютъ достаточной опоры для хронологическихъ опредѣленій, для которыхъ не имѣется матеріала и въ позднѣйшихъ припискахъ литургически-богослужебнаго свойства. На основаніи разсмотрѣннаго можно сказать не болѣе того, что эта рукопись принадлежитъ къ разряду курсивныхъ очень хорошаго образца и появилась едва ли позднѣе XI-го вѣка“ (стр. 14).

Съ второй главы авторъ переходитъ къ разсмотрѣнiю содержанiя рукописи, и прежде всего собственно Евангелистарiя, или чтенiй евангельскихъ рядовыхъ и на особые случаи. Взявъ для сравненiя четыре греческихъ рукописныхъ Евангелистарiи, изъ коихъ одинъ отъ 985 г. (пожертвованъ въ С.-Петербургскую духовную академiю Товариществомъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Вл. К. Саблеромъ), а другой отъ 1034 г., проф. Н. Н. Глубоковскiй отмѣчаетъ объемъ чтенiй евангельскихъ и особенности рукописи со стороны содержанiя, расположенiя, назначенiя чтенiй, вступленiй къ чтенiямъ, помѣтокъ церковно-богослужебнаго характера и т. д.

Обширная третья глава (стр. 42—161) содержитъ всестороннее обследованiе мѣсяцеслова рукописи. Авторъ даетъ подробное содержанiе сохранившагося мѣсяцеслова (съ 1-го сентября по 2-е августа), памяти его и евангельскiя чтенiя при сравненiи ихъ съ другими однородными документами и дѣлаетъ любопытныя замѣчанiя относительно общей композиции минологiя, взаимнаго отношенiя памятей и евангельскихъ чтенiй,—даетъ за тѣмъ полный указатель чтенiй въ порядкѣ Евангелiй съ распределенiемъ ихъ по числамъ мѣсяцевъ. Различныя собранныя авторомъ данныя позволяютъ относить мѣсяцесловъ къ X—XI-му вѣку.

Послѣ разрѣшенiя вопросовъ объ условiяхъ, времени происхожденiя и характерѣ рукописи, авторъ переходитъ къ важнѣйшей части — евангельскому тексту (въ четвертой главѣ своего изслѣдованiя). Желая облегчить пользованiе Евангелистарiями, въ коихъ такъ трудно бываетъ иногда отыскать требуемый стихъ, выраженiе и пр., авторъ принялъ на себя кропотливый трудъ составленiя точнаго перечня евангельскихъ стиховъ, находящихся въ данной рукописи. — Не смотря на то, что въ ней сохранилось только немного болѣе одной трети всего содержанiя текста, однако и эта небольшая наличность представила ученому изслѣдователю довольно вариантовъ, которымъ и дается подробный перечень по сравненiю съ *textus receptus* и при снесенiи съ рукописями и авторитетными изданiями, при чемъ въ результатъ оказалось достаточное количество своеобразныхъ, важныхъ и любопытныхъ чтенiй, придающихъ specialный интересъ этой рукописи.

Но самая главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ на очередь принципиальный вопросъ о важности этой и подобныхъ ей византійскихъ курсивныхъ (или что тоже минускульныхъ, скорописныхъ) рукописей Новаго Завета для текстуальной критики и освѣтилъ эту сторону разсмотрѣніемъ современнаго положенія даннаго вопроса. Отмѣтивъ тотъ фактъ, что новѣйшіе критики новозавѣтнаго греческаго текста построаютъ свои изданія исключительно на древнѣйшихъ авторитетахъ (таковы унциальные кодексы: Ватиканскій и Синайскій IV го в., Александрійскій и Ефремовскій V-го в., Кембриджскій VI-го в. и др.), при чемъ „минускулы въ самомъ лучшемъ случаѣ привлекаются лишь для подкрѣпленія унциаловъ, по мѣрѣ своего согласія съ ними и въ зависимости отъ нихъ, теряясь до незамѣтности въ свѣтѣ своихъ горделивыхъ владыкъ“¹⁾, проф. Н. Н. Глубоковскій указываетъ на несправедливость подобнаго отношенія къ минускульнымъ спискамъ. „Мы,—говоритъ авторъ,—ни мало не отрицаемъ и не унижаемъ значенія маюскуловъ (унциаловъ), но полагаемъ съ полною рѣшительностію, что ради 127 таковыхъ нельзя, несправедливо и вредно жертвовать огромною массой въ 3702 скорописныхъ манускрипта“²⁾. Прежде всего почтенный изслѣдователь подвергаетъ разсмотрѣнію основной тезисъ унциалофиловъ. Такъ какъ тезисъ этотъ заимствуется проф. Н. Н. Глубоковскимъ изъ нашей диссертациі „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка“ (М. 1896, стр. 4), то я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ *pro domo sua*. Самый тезисъ гласитъ такъ: „чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ, естественнѣе думать, древнѣе и текстъ, въ ней содержащійся“.. Но, устанавливая этотъ тезисъ, я имѣлъ въ виду область рукописнаго *славянскаго* библейскаго текста, гдѣ позднія рукописи (напр. XV—XVI вв.) содержатъ и текстъ поздній, послѣдней рукописной редакціи (русско-болгарской) и гдѣ скоропись въ приложеніи къ библейскимъ кодексамъ почти не имѣетъ мѣста. Затѣмъ, этотъ тезисъ отнюдь не должно отдѣлять отъ другихъ, принятыхъ мною (тамъ же)

1) Стр 209.

2) Тамъ же.

руководительныхъ началъ, ибо только совокупность ихъ можетъ рѣшить вопросъ о характерѣ текста и языка данной рукописи. Въ частности тезисъ этотъ имѣетъ свою силу въ приложеніи къ величинамъ однороднымъ, т. е. къ евангельскимъ спискамъ одного и того же типа. Прилагая же его—отдѣльно отъ другихъ критическихъ началъ—къ библейскимъ спискамъ различныхъ по тексту редакцій, нѣтъ ничего легче придти къ результатамъ вовсе нежелательнымъ: такъ, напр. славянскіе списки Евангелія отъ XIV в., относящіеся къ первой редакціи, предлагаютъ текстъ—въ основѣ болѣе первоначальный, чѣмъ болѣе древніе, хотя бы XII-го в. списки, но содержащіе послѣдовательный текстъ второй (древне-русской) редакціи... Не лишнимъ считаю присовокупить, что, вырабатывая, почти 25 лѣтъ тому назадъ, критическіе пріемы и правила для возстановленія чтеній древняго славянскаго перевода Библии изъ разнообразія отдѣльныхъ чтеній и редакцій, я имѣлъ въ виду и одинъ историческій фактъ, направившій мою мысль къ этому тезису, какъ основоположительному. Мнѣ невольно припомнились, съ одной стороны, безуспѣшность и бесплодность знаменитаго основателя славянской филологіи чешскаго ученаго аббата Іосифа Добровскаго въ характеристикѣ древняго церковно-славянскаго языка, и, съ другой стороны, высокая плодотворность изысканій въ той же области нашего отечественнаго слависта А. Х. Востокова. Церковно-славянская грамматика І. Добровскаго („*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*. Vindobonae, 1822) еще не успѣла быть отпечатанною, какъ уже сдѣлалась отсталою, въ научномъ отношеніи непригодною для пользованія. Напротивъ, характеристика древняго церковно-славянскаго языка, предложенная А. Х. Востоковымъ (въ „*Разсужденіи о славянскомъ языкѣ*“, М. 1820), оказалась такъ глубоко вѣрною и правдивою, что всѣ послѣдующіе филологи, почему либо оставшіеся чуждыми ей, сами дѣлались отсталыми въ наукѣ. Отчего же зависѣла такая разница въ результатахъ изслѣдованій двухъ современныхъ другъ другу ученыхъ? Отъ того, между прочимъ, что Добровскій въ своихъ изысканіяхъ и изученіи рукописнаго славянскаго матеріала (главнымъ образомъ въ Вѣнской Императорской библіотекѣ, гдѣ больше рукописи славянскія довольно позднія) не руково-

дился тѣмъ простымъ историческимъ началомъ: „чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ древнѣе и языкъ“, которое привело Востокова, счастливо и рано (съ 1814 г.) ознакомившагося съ Остромировымъ Евангеліемъ XI в., къ такимъ замѣчательнымъ открытіямъ въ области славянской филологии.

По отношенію къ *греческимъ* спискамъ Новаго Завѣта дѣло обстоитъ иначе. Минускульные греческіе списки Евангелія начинаются уже съ IX-го в., содержатъ текстъ большею частію довольно однообразный, правда рѣзко отличающійся отъ древнѣйшихъ унциальныхъ кодексовъ александрійскаго и западнаго типа, но, съ другой стороны, и подкрѣпляемый многочисленными унциальными кодексами типа сирійско-византійскаго¹⁾ и началомъ своимъ восходящій къ весьма почтенной и глубокой древности. Значеніе минускульныхъ *греческихъ* рукописей Новаго Завѣта для текстуальной критики, и по нашему мнѣнію, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Послѣ этой необходимой оговорки изложимъ кратко ходъ мыслей автора по сему важному принципиальному вопросу. Прежде всего проф. П. П. Глубоковскій устанавливаетъ глубокую древность многихъ оригинальныхъ чтеній разсматриваемаго Евангелистарія. Черезъ сличеніе ихъ съ латинскимъ іеронимовскимъ переводомъ Евангелія (по классическому изданію Вордсворта и Уайта: *Novum Testamentum Domini nostri Iesu Christi latina secundum editionem sancti Hieronymi ad codicum manuscriptorum fidem. Pars prior* (Евангелія). Окониі, 1889—1895) и съ сирскимъ переводомъ, открытымъ въ 1892 г. въ Сиднійскомъ монастырѣ св. Екатерины, авторъ приходитъ къ твердому выводу, что въ оригинальныхъ чтеніяхъ разсматриваемаго Евангелистарія нерѣдко слышатся отголоски самой отдаленной старины, не уступающіе маюскульной, почему унциатофильская исключительность не имѣетъ законнаго научнаго оправданія и не

1) Согласно между собою унциальные кодексы сирійско-византійскаго типа — по Тинненторфу „вторатаго порядка позднѣйшей формы текста“ (подъ свѣдами CUGIKMSU V) обозначаются у него въ 8-мъ большемъ изданіи Новаго Завѣта (Lipsiae 1869, Vol. I) тѣмъ „unc.“

должна устранять самаго серьезнаго вниманія къ свидѣтельствамъ скорописнымъ ¹⁾).

Курсивные манускрипты имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ критики новозавѣтнаго текста благодаря своему общему характеру и внутреннему достоинству. Они (какъ показываетъ это, между прочимъ, и сличеніе ихъ съ сочиненіями патр. Фотія) представляютъ типъ византійской, лукіановскую рецензію въ поздней формаціи. Весьма важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Евангелистаріи, какъ и четвероевангелія-курсивныя предназначались и были въ церковномъ употребленіи, что закащики и писцы были люди церковные, желавшіе читать у себя, конечно, то Слово Божіе, которое возглашалось въ храмахъ. Преслѣдуя строго-церковные интересы, рукописи эти носятъ на себѣ ясную печать своего достоинства. Стремясь быть документами церковными, минускульныя рукописи Новаго Завѣта по необходимости старались наблюдать точную гармонію съ церковнымъ текстомъ, который такимъ образомъ восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ употребленія новозавѣтныхъ писаній при богослужебныхъ собраніяхъ, куда они проникли, безъ сомнѣнія, изъ лучшихъ источниковъ и подъ руководствомъ церковныхъ авторитетовъ. Не устранялась въ отношеніи къ минускульнымъ рукописямъ Новаго Завѣта и здравая критика, заключавшаяся уже въ самомъ церковномъ надзорѣ и иногда примѣнявшаяся къ нимъ специально, тогда какъ древнѣйшіе критическіе опыты неизвѣстны намъ съ совершенною отчетливостію и во всей массѣ не получили церковнаго признанія. Очень важно и то обстоятельство, что минускульныя рукописи Новаго Завѣта, не смотря на разность времени, мѣста происхожденія и назначенія, въ общемъ обнаруживаютъ замѣчательное текстуальное согласіе, причина чего — въ непрерывности церковно-текстуальнаго преданія, простирающагося до апостольской глубины ²⁾). Вообще, церковные курсивы Новаго Завѣта представляютъ текстъ весьма однообразный, поддерживаемый цѣлымъ облакомъ свидѣтелей и скрѣпленный рельефно-выпуклою церковною печатью въ удостовѣреніе его тради-

¹⁾ Стр. 219—220.

²⁾ Стр. 223—226.

ціонности, чего именно не достаетъ унциальнымъ кодексамъ, какъ это подробно раскрываетъ проф. Н. Н. Глубоковскій ¹⁾).

Въ заключеніи почтенный изслѣдователь указываетъ и частный интересъ изученія греческихъ курсивныхъ рукописей Новаго Завѣта съ ихъ византійско-церковнымъ характеромъ—для русской православной науки, именно для изслѣдованія славянскаго перевода Библии. Хронологически и матеріально близкіе къ славянскому переводу, они много помогаютъ его выясненію на всѣхъ стадіяхъ его историческаго существованія. Авторъ предлагаетъ и иллюстрацію этого значенія на разборѣ вариантовъ разсматриваемаго Евангелистарія (изъ Евангелія отъ Марка). Въ общемъ вѣрно и точно воспроизводя текстъ византійскаго происхожденія и типа, данный Евангелистарій въ существенныхъ вариантахъ совпадаетъ съ славянскими списками Евангелія первой, т. е. древнѣйшей, болѣе или менѣе первоначальной редакціи.

Къ сочиненію приложены 14 тезисовъ, кратко формулирующіе результаты всесторонняго обслѣдованія рукописи.

Привѣтствуя этотъ трудъ проф. Н. Н. Глубоковскаго, какъ образцовый для подобнаго рода работъ, не можемъ не выразить искренняго пожеланія, чтобы примѣръ почтеннаго изслѣдователя нашелъ себѣ многихъ продолжателей, ко благу библейской науки.

Г. Воскресенскій.

23 декабря
1897 года.

¹⁾ Стр. 226—234.